

К 85-ЛЕТИЮ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

УДК 070:77(571.621)

ЕВРЕЙСКАЯ АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ В ОБЪЕКТИВЕ СОВЕТСКОЙ ФОТОЖУРНАЛИСТИКИ 1920–1930-х ГОДОВ

В.С. Гуревич

Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН,
ул. Шолом-Алейхема 4, г. Биробиджан, 679016,
e-mail: gurevichv.48@mail.ru

В работе отражена история репрезентации периода создания и развития на Дальнем Востоке первого в истории еврейского национально-территориального образования, адаптации еврейского населения бывшей Российской империи в социалистическое общество. Отмечается, что с использованием адекватных визуальных форм показаны достижения в освоении будущей Еврейской автономной области, которые полностью отвечают политическим, идеологическим и эстетическим установкам, декларировавшимся советской администрацией в конце 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: фотожурналистика, фотография, репрезентация, экспедиция, Еврейская автономная область.

Актуальность

Образование и развитие молодой Еврейской автономной области репрезентировалось советской и зарубежной прокоммунистической прессой как важнейшее достижение ленинско-сталинской национальной политики, как кульминация предпринятого советской властью на территории СССР беспрецедентного по своим масштабам проекта решения многовекового «еврейского вопроса» путем еврейской земледельческой колонизации.

Конечной целью данного проекта провозглашалось создание «еврейской республики» на Дальнем Востоке, где должна была сформироваться, по словам председателя ЦИК Михаила Калинина, «полноценная советская еврейская нация», а Биробиджан должен был стать «важнейшим, если не единственным хранителем еврейской национальной культуры» в СССР» [5].

Одной из актуальных задач, которая требовала незамедлительного решения, был поиск визуальных форм для репрезентации достижений в освоении Биробиджана, которые бы полностью отвечали провозглашенному агитационной кампанией лозунгу «В еврейскую страну!», под эгидой которого проходило переселение. Полностью отвечающий политическим, идеологическим и, как следствие, эстетическим установкам, декларировавшимся советской администрацией, он адекват-

но отражал не только устремления руководителей советских еврейских учреждений, но, главное, соответствовал надеждам еврейского населения на получение земли в долговременное пользование и, в конечном итоге, на создание еврейской государственности. По этому поводу заместитель председателя Комитета по земельному устройству трудящихся евреев (сокращенно КомЗЕТ) Абрам Мережин писал: «Я очень сильно сомневаюсь, пошел ли бы в Биробиджан целый ряд чрезвычайно необходимых работников без лозунга «В еврейскую страну!». И если мы видим на опыте, что этот лозунг помогает освоению всей этой большой и трудной территории, то не должны ли мы с поддержкой относиться к этому лозунгу, апеллирующему не к национальным предрассудкам, не к древним предкам и гробницам, а прочь от них – к новому социалистическому будущему?» [7].

Понимая, что успех Биробиджанского проекта во многом зависел от эффективности сопровождавшей его агитационно-пропагандистской кампании, советские органы требовали, чтобы применяемые визуальные формы для репрезентации достижений в освоении Биробиджана полностью отвечали их политическим, идеологическим и эстетическим установкам.

Заместитель председателя ОЗЕТ Семен Диманштейн, он же редактор главного печатного

*Рис. 1. Переселенцы-пчеловоды Бурек с женой и Галовичев. Ст. Тихонькая, 1929 г.
Из фондов Российского этнографического музея*

*Fig. 1. Immigrants-beekeepers Burek with his wife and Golovichev. St. Tikhonkaya, 1929.
From the funds of the State Russian ethnographic museum*

органа организации – иллюстрированного журнала «Трибуна», настаивал на том, чтобы «каждый трудящийся еврей...воочию убедился в том, как последовательно советская власть разрешает национальный вопрос в окончательной и исчерпывающей форме не только теоретически, но и практически» [3]. Так опытный идеолог и публицист Диманштейн реагировал на реализацию проекта «тотальной визуализации советской действительности» на страницах газет и журналов, таких как, например, «Огонек», «Прожектор», «Экран» и др., и призывал фоторепортеров советской еврейской прессы воспользоваться достигнутым в этой области опытом. Смысл «советского поворота к визуальному» состоял, по его мнению, в том, что опыт, как и результат небывалых свершений, трудно помыслить, вообразить или описать, его можно только увидеть.

Результатом исследования в работе стал анализ документальных и фотоматериалов, отражающих различные этапы хозяйственного и культурного строительства в Еврейской автономной области. Некоторые из них, исследованные в Российском этнографическом музее, впервые включены в научный оборот.

Первые переселенцы

Первых еврейских переселенцев, приехавших на маленькую станцию Тихонькую, не встречали фотографы. По крайней мере, даже если

кто-то и запечатлел этот момент на фотопленку, до наших дней эти снимки не дошли. Однако уже скоро, в этом же 1928 г., когда фоторепортаж из выставочных залов уверенно шагнул на страницы советской прессы, в журналах и газетах «для наглядного воспитания масс в духе коммунизма» начинают появляться фотографии и репортажные снимки тех, кто приехал сюда строить еврейскую страну, как тогда называли Биро-Биджан (рис. 1, 2).

В 1930 г. был начат выпуск журнала «СССР на стройке», в котором в основном печатались фотографии широкого пропагандистского характера. Это особо отмечено в редакционной статье первого номера: «Фото должно быть поставлено на службу строительства не случайно, не бессистемно, а систематически и постоянно. Фотографические изображения нашего строительства, при этом изображения в динамике, должны быть доступны всем интересующимся нашим строительством».

Первыми на страницах иллюстрированных журналов начали печататься экспедиционные пейзажные снимки Биробиджана с красивыми, но суровыми природными ландшафтами. Например, в журнале «Трибуна» были опубликованы снимки «У реки Козулихи», «У реки Биджан», «У реки Биры». Авторами этих фотографий были специалисты в области агрономии, геологии и экономики, в основном участники изыскательских

Рис. 2. Евреи-переселенцы из-за границы на станции Тихонькой, начало 1930-х гг. Из фондов областного краеведческого музея. Биробиджан

Fig. 2. Jewish immigrants from abroad at the Tikhonkaya station. The beginning of the 1930s. From collections of the Museum of regional studies. Birobidzhan

экспедиций и комиссий КомЗЕТА, которые работали в Биробиджанском районе в 1927–1928-х гг. (рис. 3). Снимки, как правило, соседствовали с научными статьями и монографиями, доказывающими целесообразность освоения дикой природы, колонизации этих мест и победы над «первобыт-

ным хаосом дикой природы» [1].

Большой интерес вызывает коллекция фотографий, выполненных в ходе совершенной в 1929-м г. экспедиции ученых американской организации «ИКОР», оказавшей большую помощь в освоении выделенных еврейским переселенцам

Рис. 3. На р. Бире, 1928 г. Из фондов областного краеведческого музея. Биробиджан

Fig. 3. On the Bira River, 1928. From the funds of the Museum of regional studies. Birobidzhan

земель, создании промышленного и сельскохозяйственного производства. На фоне брезентовых палаток и биробиджанских пейзажей нередко позировали с ружьями и геодезическими инструментами сами первопроходцы (рис. 4).

Но гораздо чаще главными героями выступали местные жители – забайкальские казаки, корейцы и так называемые туземцы – гольды, удэгейцы, якуты.

Особенно идеологически значимыми были фотоснимки этих аборигенов в национальных одеждах на фоне народных жилищ – «Пасека на хуторе Добринском», «Семья казака», «Женщина-корейка с детьми».

Осознанно или нет, авторы таких фотографий стремились экзотизировать коренное население будущей республики. Еврейские переселенцы в представлении читателей выступали в этом случае в качестве, так сказать, агентов прогресса и цивилизации, призванные превратить дикий край в процветающую республику. Например, известный журналист и фотограф-любитель Виктор Финк так писал об увиденных им удэгейцах: «Эти наивные дикари часто встают пред моими глазами, как живое олицетворение Биробиджана. Сильные, выносливые, трудолюбивые, но зажатые тайгой и болотами, они в своем развитии не пошли дальше того уровня, на котором прочее человечество стояло много тысяч лет назад» [8].

В 1933 г. вышел тематический номер журнала «СССР на стройке», посвященный освоению Дальнего Востока. Почти половина фотографий была отведена фотографиям, сделанным в Еврейской автономной области. Широко представлены фотопейзажи заповедных уголков дальневосточного края и выполненные из кабины самолета панорамные снимки новых населенных пунктов, где «трудом человека природа была обогащена стройками пятилетки» (рис. 5).

Пустынные степи и непроходимая тайга, скалистые горы и полноводные реки – будущий Биро-Биджан на таких снимках подавался как «страна со здоровым климатом», большая территория, богатая полезными ископаемыми и своими плодородными землями. К тому же такие панорамные снимки могли наилучшим образом презентовать масштаб преобразований, небывалый размах строительства городов, промышленных предприятий, сельскохозяйственных поселений. Так на глазах зрителя возникала идеальная структура, состоящая из разбитых на квадраты городов и поселков и широких дорог, вписанных в изобразительную плоскость кадра. А мелкие детали, та-

Рис. 4. Экспедиция американской организации «ИКОР» в тайге за обсуждением маршрута, 1929 г. Из фондов Российского этнографического музея

Fig. 4. The commission of the American IKOR organization in the taiga discussing the route, 1929. From the funds of the State Russian ethnographic museum

кие как грязь и лужи, которые при более близкой точке съемки могли бы ослабить впечатление, как бы обобщались, если не исчезали вовсе. Особой выразительностью отличаются ракурсные фотопортреты передовиков производства – биробиджанских стахановцев: трактористов, пасечников, рыбаков – строителей новой жизни [2].

К 1930-м гг. советская фотография начала ориентироваться на интернациональное воспитание. Колониальный колорит в снимках местного населения исчезает – начинает осуществляться идеологический проект дружбы народов на одной территории. Наряду с картинками из жизни еврейского населения появлялись снимки культурно-национальной жизни других народов, их совместной работы, взаимовыручки. Запомнившейся иллюстрацией на сообщение журналистов о том, что в Биробиджане нередко смешанные браки, является фотоснимок Льва Гершковича («Трибуна», 1936 г.) с изображением ударника опытной сельскохозяйственной станции корейца Виктора Кума и его жены еврейки Раи Гальпериной (рис. 6).

Примечательно, что первыми образами новой культурной жизни выступали всевозможная техника и технологии. «С новыми колонистами появились трактора, экскаваторы, – частью советские, частью присланные друзьями из Америки. Появилась мелиорация, агрономия, строительство», – пишет в своем очерке «Евреи в тайге»

Рис. 5. Панорама села Валдгейм. Из фондов Российского этнографического музея

Fig. 5. Panorama of the village of Valdgeym. From the funds of the State Russian ethnographic museum

Рис. 6. Виктор Кум и его жена Раиса Гальперина. Фото Льва Гершковича. Из фондов областного краеведческого музея. Биробиджан

Fig. 6. Victor Kum and his wife Raisa Galperina. The picture taken by Leo Gershkovitch. From the funds of the Museum of regional studies. Birobidzhan

(1930 г.) Виктор Финк. Фотоснимки символично иллюстрируют, как техника преобразует пространство – трактора превращают целинные земли в квадраты пашен, дорожные машины прокладывают дороги в тайге, экскаваторы разрабатывают полезные ископаемые (рис. 7).

Постепенно идеологические клише о радости коллективного труда и торжества техники и технологий теряли свою актуальность. К 1930-м гг. на смену искусству пролетарского авангарда приходит сталинский соцреализм. Теперь советское фотоискусство должно было стать близким народу, говорить понятным ему языком. В центре внимания советской визуальной пропаганды становятся промышленные предприятия и его новые жители, вчерашние переселенцы из еврейских местечек бывшей черты оседлости. А главными жанрами фотографической продукции – индустриальный пейзаж и производственный портрет. Только теперь изображения людей сопровождали подписи со сведениями о них (рис. 8).

С портретов биробиджанцев глядели сильные, молодые улыбающиеся люди – ударники-стахановцы с мозолистыми руками и обветренными бритыми лицами. Настоящие строители социа-

лизма, лишённые всякой этнической принадлежности. Образы же местечковых евреев с такими отличительными признаками, как борода, традиционная одежда и картуз, появлялись на снимках крайне редко и, как правило, на заднем плане, случайно попав в кадр, либо в момент прибытия в Биробиджан (рис. 9). Расположившись на телегах, нагруженных всякой рухлядью, едут они «строить новую жизнь, совсем непохожую на жизнь старого несчастного еврейского местечка» (фотоочерк М. Альперта и С. Фридланда в журнале «СССР на стройке», 1935 г.).

Этим людям еще только предстоит стать такими, как, например, «товарищ Торчик, рабочий известкового завода в Лондоко, приехавший из Палестины». В этих улыбающихся еврейских колхозниках и рабочих с мозолистыми руками и обветренными лицами, демонстрирующих героический свободный труд на своей земле, советского человека легко узнавали даже несведущие наблюдатели. В биробиджанских производственных портретах ощущается стремление фотографов показать, как должен выглядеть настоящий строитель социализма (рис. 10). Особого внимания заслуживают опубликованные в 1937 г. в «Огоньке»

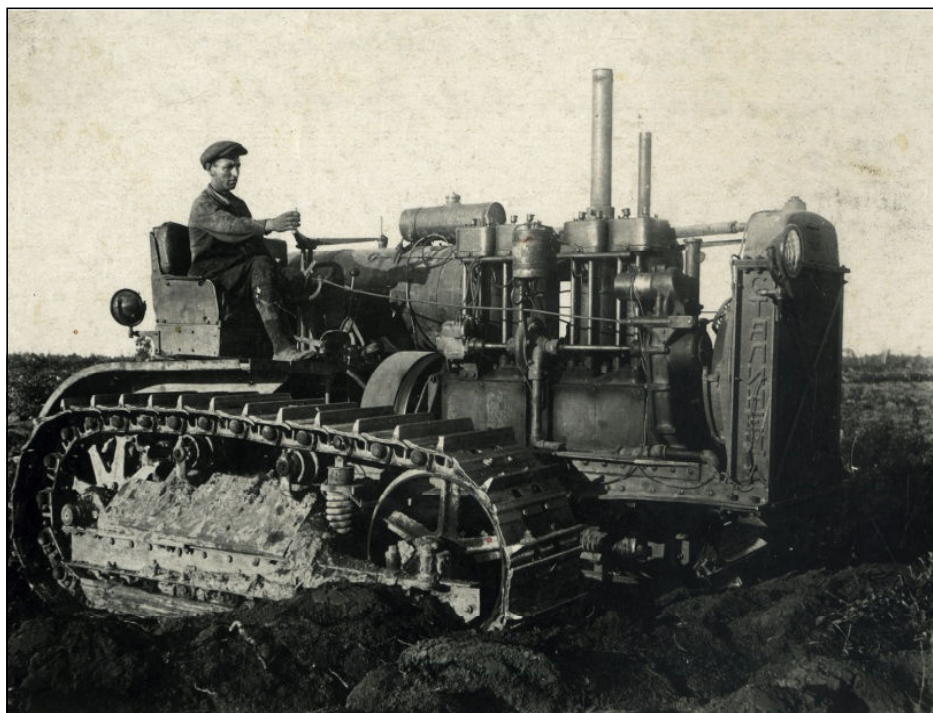

Рис. 7. Стахановец Эля Эйгель. Колхоз «Валдгейм». Фото Х. Гринберга. Из фондов Российского этнографического музея

Fig. 7. Stakhanovite Elia Eigel (a re-settler since 1930). The Valdgeim collective farm. Photo by H. Greenberg. From the funds of the State Russian ethnographic museum

*Рис. 8. Крестьяне села Самара-Орловка у первого трактора, 1929 г.
Из фондов областного краеведческого музея. Биробиджан*

*Fig. 8. A group of peasants from the village of Samara-Orlovka
in front of their first tractor, 1929. From the funds of the Museum of regional studies. Birobidzhan*

*Рис. 9. Горняк Белов – стахановец
Лондоковского завода. Из фондов
областного краеведческого
музея. Биробиджан*

*Fig. 9. A miner Belov – Stakhanovite at
Londokowsky plant. From the funds of the
Museum of regional studies. Birobidzhan*

*Рис. 10. Прилуцкая Ента – ударница
колхоза Валдгейм. Фото Л. Гершкович.
Из фондов областного краеведческого
музея. Биробиджан*

*Fig. 10. Stakhanovism Prilychkaï Enta. The
Valdgeim collective farm. Photo by L. Gershkovich.
From the funds of the Museum of regional studies.
Birobidzhan*

фотографии Льва Гершковича, ставшие едва ли не последней значительной попыткой создания образа нового советского еврейства.

Волна сталинских репрессий привела к прекращению переселения в Биробиджан. КомЗЕТ и ОЗЕТ были ликвидированы, их руководители подверглись репрессиям. Не избежал репрессий и Лев Гершкович. Копия его неопубликованного фотоальбома «Еврейская автономная область сегодня» с фотографиями, снятыми в августе–сентябре 1935-го г., хранящегося в Российском этнографическом музее, недавно поступила в фонды областного краеведческого музея (рис. 11).

Никогда больше в истории СССР биробиджанская тема не получала столь масштабного отражения на страницах советской прессы.

Мы должны быть благодарны сотрудникам образованного в 1934 г. Государственного музея этнографии (ГМЭ) – ныне Российского этнографического музея (РЭМ), сохранившим документальные и фотоиллюстративные материалы, собранные в довоенный период в условиях напря-

женной обстановки в стране, в том числе и в Еврейской автономной области [6].

Эти материалы вошли в состав экспозиционных материалов организованной музеем выставки «Евреи в царской России и в СССР», которая работала с 1939 по 1941 гг. в Государственном музее этнографии в Ленинграде. Выставка стала не только своеобразным репрезентационным апофеозом агитационно-пропагандистской кампании за советский Биробиджан, но и советского проекта переустройства социально-экономической структуры российского еврейства в целом. Несмотря на то, что выставка была открыта в разгар сталинских репрессий, когда еврейский советский проект был, по сути, свернут верховной властью, музеефикация достигнутых результатов, в особенности в области хозяйственного и культурного строительства в Еврейской автономной области, придавала всему проекту вполне законченный, реализованный вид, научно подтверждала его воплощение в жизнь.

Рис. 11. Страница фотоальбома «Еврейская автономная область «сегодня», Л. Гершкович. Из фондов Российского этнографического музея

Fig. 11. Page of the photo album «Jewish Autonomous Region «today», L. Gershkovich. From the funds of the State Russian ethnographic museum

Однако не все материалы вошли в экспозицию, развернутую в музее. В отзыве Центрального совета ОЗЕТа на проект экспозиции содержалась строгая директива: «Все, что приведено в разных отделах касательно вселения в область корейцев и развития их хозяйства и быта, исключить». Данная корректировка проекта экспозиции произошла в связи с депортацией корейского населения из приграничных районов Дальнего Востока в Центральную Азию. В сентябре 1937 г. из ЕАО было насильственно переселено четыре с половиной тысячи корейцев, чья лояльность советскому режиму вызывала сомнение у сотрудников госбезопасности.

В результате на выставке из коренного населения были представлены только амурские казаки: их быт, история, участие в Гражданской войне на стороне большевиков, ибо во время Гражданской войны большинство амурских казаков воевали на стороне Колчака и после поражения ушли со своими семьями в Маньчжурию.

Сегодня самое большое собрание фотодокументов 1920–1930-х гг. по Еврейской автономной области хранится в фондах Российского этнографического музея. Их количество составляет более 1500 единиц. Большая заслуга в создании коллекции, ее сохранении принадлежит И.М. Пульнеру, с 1937 г. заведовавшему Еврейской секцией Государственного музея этнографии.

И.М. Пульнер умер в блокадном Ленинграде в феврале 1942 г., не успев завершить обработку поступивших в 1938 г. в музей коллекций ликвидированной в ходе сталинских репрессий организации ОЗЕТ. После Великой Отечественной войны Еврейская секция в ГМЭ перестала существовать и работы с фотоматериалами до конца XX в. не проводились. Обработка их возобновилась лишь в начале 1990-х гг.

Специалистами музея осуществляется описание материалов Центрального совета ОЗЕТа, хранящихся в музее, изображений с указанием авторов, места и даты проведения фотографирования. К настоящему времени введена в музейный оборот коллекция рисунков и гравюр американских художников, переданных в 1930-е гг. в дар Биробиджану, но не дошедших до него. Факсимильные копии гравюр экспонировались в 2012 г. в Нью-Йорке, фотокопии картин переданы в областной краеведческий музей Биробиджана, где также были представлены для обозрения.

Анализируя хранящиеся в фондах Российского этнографического музея фотографии, которые, по-нашему мнению, полностью должны

быть представлены в свободном доступе и включены в научный оборот, особо следует отметить коллекцию оригинальных негативов Биробиджанской геологической экспедиции 1932–1933 гг., поступившую из Центрального совета ОЗЕТа.

В коллекции музея на фотографиях, сделанных на вокзалах Харькова, Кременчуга, Фастова и других городов, мы можем увидеть первые группы переселенцев перед отъездом из Белоруссии, Украины и центральных областей России, прибывшие в Биджанский переселенческий район.

История Еврейской автономной области в лицах

Лица некоторых из этих людей, которые остались строить «еврейскую страну», нам уже знакомы. Кто-то, не выдержав трудностей, с которыми им пришлось столкнуться в дальневосточной тайге, вернулся в места выбытия. Кто-то переехал в близлежащие по дальневосточным понятиям города Хабаровск, Владивосток. Статистические данные о приезде и отъезде переселенцев опубликованы во многих изданиях. Фотографии же являются документами, отражающими фактические события, происходившие в определенный момент времени и в определенном месте.

Фотограф запечатлел и сохранил для истории лица первых переселенцев, которые в 1928 году были направлены в район Бирского опытного поля, где они организовали молодежную сельскохозяйственную коммуны «Икор» (рис. 12).

Уже летом 1928 г. в Бирофельде состоялись выборы в первый еврейский сельсовет Бирско-Биджанского переселенческого района.

Перед нами одна из групп переселенцев, направленная из Хабаровска в Екатерино-Никольский район для строительства рисовой плантации (рис. 13).

На фотографии уполномоченный КомЗЕТа и ОЗЕТа Лев Баскин рассказывает о планах на предстоящий период. Когда на берегу Амура в июле 1929 г. был создан Амурзетовский еврейский сельсовет, его возглавил Л. Баскин.

Переселенцы, поселившиеся в Худзиновке, организовали в ноябре 1929 г. еврейский сельсовет Валдгейм. Его первым председателем стал Школьник (рис. 14).

С 19 июля 1929 г. в течение 6 недель в Биробиджанском районе работала комиссия американской организации помощи еврейскому землеустройству в СССР (ИКОР) под руководством Ф. Гаррисона. Фотографии этой экспедиции ИКОР находятся в Библиотеке Конгресса США. Часть фотографий хранится в РЭМ.

Рис. 12. Члены коммуны «ИКОР», 1928 г. Из фондов Российского этнографического музея

Fig. 12. Members of the IKOR commune, 1928. From the funds of the State Russian ethnographic museum

Рис. 13. На рисовых плантациях «Три балагана». Переселенцы у канала. Уполномоченный ОЗЕТа и КомЗЕТа Баскин делает доклад о ближайшей работе переселенцев. Екатерино-Никольский район, 1928 г. Из фондов Российского этнографического музея

Fig. 13. On the «Three Tents» rice paddies. Resettlers near a canal. Baskin, an authorized representative from OZET and KomZET, gives a report on the re-settlers next tasks. Ekaterino-Nikolsky area, 1928. From the funds of the State Russian ethnographic museum

Рис. 14. Председатель коммуны «Валдгейм» Школьник. 1929 г. Из фондов Российского этнографического музея

Fig. 14. Shkolnick, chief of the commune «Valdheim», 1929. From the funds of the State Russian ethnographic museum

Комиссия ИКОР дала положительную оценку перспективам освоения региона и тем самым «одобрила» возможность переселения евреев не только из центральных областей СССР, но и из-за рубежа: Литвы, Польши, Германии, Палестины, Аргентины, США и других стран (рис. 15).

20 августа 1930 г. ЦИК РСФСР принял постановление «Об образовании в составе Дальневосточного края Биро-Биджанского национального района». Центром района стала станция Тихонькая.

28–30 сентября 1930 г. в Тихонькой состоялись районная партийная конференция и первый съезд Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Биробиджанского национального района (рис. 16).

Рис. 15. Группа переселенцев из Аргентины и Германии на вокзале в Москве, 1931 г. Из фондов Российского этнографического музея

Fig. 15. The first group of settlers from Argentina and Germany at the Oktyabrskiy railway station in Moscow, 1931. From the funds of the State Russian ethnographic museum

Рис. 16. Первый съезд Советов Биробиджанского национального района. Станция Тихонькая, 30 сентября 1930 г. Из фондов Российского этнографического музея

Fig. 16. The First Congress of Soviets the Birobidzhan National District. Tikhonkaya station. September 30, 1930. From the funds of the State Russian ethnographic museum

Социально-экономическая жизнь Еврейской автономной области

Описывая результаты социально-культурного строительства в Биробиджане, автор одной из пропагандистских брошюр Р. Эйдельман в 1936 г. писал: «Молодая ЕВАО живет уже крепкой, полнокровной, многогранной общественно-политической и культурной жизнью. Этого переселенцы-евреи вместе с трудящимися других национальностей, населяющих область, добились в напряженной борьбе под большевистским руководством областной партийной организации».

Фотоматериалы РЭМ отражают и промышленную деятельность молодой автономии. В Биракане добывался и обрабатывался мрамор, в Облучье было построено большое железнодорожное депо, крупной железнодорожной станцией стал поселок Бира, работали Лондоковский известковый завод, Теплоозерский рыбоперерабатывающий завод и др.

Фотографии Биробиджана 1935–1937 гг. демонстрируют нам современный для того времени город: его улицы и площади, жилые и административные здания, новый вокзал, электростанцию, школы, библиотеки, Государственный еврейский театр, Парк культуры и отдыха. Производственные процессы на мебельной, швейной фабриках, фанерном заводе, фабрике «Деталь», в артелях жестянщиков, лозоплетения, «Колесо революции» представляют нам промышленный Биробиджан.

Часть снимков посвящена учащейся молодежи. На них сняты учащиеся средних школ,

музыкальной школы, балетного кружка, студенты педагогического и горно-металлургического техникумов, студенты из Еврейской автономной области, обучающиеся в московских вузах (рис. 17, 18).

Как и во всех советских городах, в Биробиджане ежегодно проводились спортивные и военно-патриотические мероприятия, Первомайские и Октябрьские демонстрации.

Сохранение истории сегодня

В 2017 г. в здании областной филармонии была проведена выставка 50 фотографий истории заселения и развития Еврейской автономной области, выполненных в 1928–1937 гг., хранившихся в фондах Российского этнографического музея (рис. 19, 20).

Следует отметить, что история освоения территории Еврейской автономной области отражается также и в фотоматериалах, хранящихся в областном краеведческом музее. Богатая и интересная коллекция довоенных фотографий освоения области под общим названием «Харьковский альбом» была сформирована в ходе организации музея в 1945 г.

В настоящее время ведется работа по передаче областному музею, научным учреждениям области хранящихся в РЭМ и пока еще недоступных фотографий 1920–1930-х гг., отражающих историю нашей автономии. Мы уверены, что скоро они будут доступны для обозрения всеми желающими.

Рис. 17. Уроки в балетном кружке. Биробиджан, 1937 г. Из фондов Российского этнографического музея

Fig. 17. A lesson at a ballet club. Birobidzan, 1937. From the funds of the State Russian ethnographic museum

Рис. 18. Школьница Биробиджана. Фото Л. Гершковича, 1937 г. Из фондов Российского этнографического музея

Fig. 18. A schoolgirl, Birobidzhan. Photo by L. Gershkovich, 1937. From the funds of the State Russian ethnographic museum

*Рис. 19. На Октябрьской улице Биробиджана, 1937. Фото Л. Гершковича.
Из фондов Российского этнографического музея*

*Fig. 19. On October Street in Birobidzhan. Photo by L. Gershkovich, 1937.
From the funds of the State Russian ethnographic museum*

*Рис. 20. Выставка Государственного музея этнографии
«Евреи в царской России и в СССР». Стенд «Юный город Биробиджан», 1939 г.*

*Fig. 20. Exhibition by the State Museum of Ethnography «Jews in tsarist
Russia and in the USSR». The poster «Young city of Birobidzhan», 1939*

Фотоматериалы довоенного периода в журналах «Огонек», «Трибуна» и других центральных и местных газетах оказались едва ли не последней значительной попыткой создания образа нового советского еврейства. Волна сталинских репрессий привела к прекращению переселения в Биробиджан. Никогда больше в истории СССР биробиджанская тема не получала столь масштабного отражения на страницах советской прессы. Еврейской страной Биробиджан так и не стал, но в советской фотографии, успешно справившейся с политическим заказом власти, эта тема была реализована в полной мере.

Работа выполнена в рамках госзадания ИКАРП ДВО РАН.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гуревич В.С. Еврейская колонизация на Дальнем Востоке России в первой половине XX в. (на примере Еврейской автономной области) // Социально-гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 3 (43). С. 221–229.
2. Иванов Александр. Витуриализируя утопию: Биробиджан в советской фотожурналистике 1920-1930-х гг. // Научные труды по иудаике. М., 1913. 405 с.
3. Диманштейн С.М. Еврейская автономная область – детище Октябрьской революции. М., 1936. 10 с.
4. Дымшиц В., Иванов А. Марш энтузиастов: фотографии из архивов ОЗЕТА и ОРТа. СПб.; Лондон: World ORT, 2006.
5. Калинин М.И. Об образовании Еврейской автономной области. М.: Эмес, 1935. 23 с.
6. Кулешова А.И. В объективе наша история // Биробиджанер штерн. 2018. 31 мая.
7. Мережин А.Н. О заселении Биро-Биджанского района трудящимися евреями. М., 1929. 90 с.
8. Финк В.Г. Евреи в тайге. Очерки. 2-е изд. М., 1932. 362 с.

JEWISH AUTONOMOUS REGION OF 1920S–1930S IN THE LENS OF SOVIET PHOTOJOURNALISTS

V.S. Gurevich

The exposition reflects the historical period of creation and development of the first in history Jewish national-territorial unit in the Far East, and adaptation of the Jewish population of the former Russian Empire to the socialist society. Using adequate visual forms, the photographers show Jewish Autonomous region in the process of its development when it followed the political, ideological and aesthetic instructions of the Soviet administration in the late 1920s–1930s.

Keywords: *photojournalism, photography, representation, expedition, Jewish Autonomous Region.*